

LATVIJAS UNIVERSITĀTE
HUMANITĀRO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
RUSISTIKAS UN SLĀVISTIKAS NODAĻA

**NIHILISTI I. S. TURGEŅEVA UN N. S. ĻESKOVA ROMĀNOS
("TĒVI UN DĒLI" UN "NEKUR")
BAKALĀURA DARBS**

Autors: Milana Siļmanoviča
Stud. apl. ms18113
Darba vadītājs: Dr.Philol., asoc.prof. Jurijs Sidjakovs

RĪGA 2021

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ РУСИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

**НИГИЛИСТЫ В РОМАНАХ И. С. ТУРГЕНЕВА И Н. С. ЛЕСКОВА
("ОТЦЫ И ДЕТИ" И "НЕКУДА")
БАКАЛАВАРСКАЯ РАБОТА**

Автор: Милана Сильманович
Студенческий билет №: ms18113
Научный руководитель: ассоц.проф. Dr.Philol. Ю. Л. Сидяков

РИГА 2021

Milana Siļmanoviča

Nihilisti I.S. Turgeņeva un N.S. Ļeskova romānos (“Tēvi un dēli” un “Nekur”). – Rīga, 2021. – 48 lpp.

Anotācija

Šis bakalaura darbs ir veltīts nihilisma parādībai 19. gadsimta otrās puses krievu literatūrā, īpašu uzmanību pievēršot I. S. Turgeņeva romānam “Tēvi un dēli” un N. S. Ļeskova romānam “Nekur”. Šī pētījuma mērķis ir izpētīt nihilisma, kā sociālās parādības, atspoguļojumu krievu literatūrā, kā arī analizēt varoņus-nihilistus iepriekšminētajās romānos. Analizējot un salīdzinot rakstnieku romānu nihilistiskos varoņus, šis darbs mēģina novērtēt gan autoru nostāju attiecībā uz nihilismu, gan spriedumus par nihilisma parādību un Krievijas nākotni tā laika krievu inteliģences vidū. Šī darba pirmajā nodaļā nihilisms tiek analizēts par sociālpolitiska un literāra parādība Krievijas vēsturē. Otrā un trešā nodaļas ir attiecīgi veltītas romāniem “Tēvi un dēli” un “Nekur”.

Milana Silmanovich

Nihilists in the novels of I. S. Turgenev and N. S. Leskov (“Fathers and Sons” and “No Way Out”). – Riga, 2021. – 48 p.

Abstract

This bachelor's thesis is dedicated to the phenomenon of nihilism in Russian literature of the second half of the 19th century, with a particular focus on Ivan Turgenev's “Fathers and Sons” and Nikolai Leskov's “No Way Out”. The aim of this study is to investigate the reflection of nihilism in Russian literature, as well as to analyse nihilist characters in the abovementioned novels. By analysing the nihilist characters in the novels, this work tries to assess the authors' position in relation to the phenomenon of nihilism and the way this phenomenon was viewed among the Russian intelligentsia of that time in general. In the first chapter of this thesis, nihilism is explored as a socio-political and literary phenomenon, and the second and third chapters are dedicated to “Fathers and Sons” and “No Way Out”, respectively.

Ключевые слова: нигилизм, Тургенев, Лесков, XIX век, “новые люди”, разночинство.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. НИГИЛИЗМ В РОССИИ И В МИРЕ	9
1.1 Нигилизм как социальное явление	9
1.2 Русский нигилизм в литературе	14
ГЛАВА 2. НИГИЛИЗМ В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА “ОТЦЫ И ДЕТИ”	19
2.1 Базаров — нигилист или романтик?	20
ГЛАВА 3. НИГИЛИСТЫ В РОМАНЕ ЛЕСКОВА “НЕКУДА”	28
3.1 Спектр нигилизма в романе Лескова “Некуда”	32
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	40
Сравнение романов “Отцы и дети” и “Некуда” и перспективы дальнейшего исследования.....	40
Список использованной литературы	45

ВВЕДЕНИЕ

Одним из интереснейших явлений русской литературы второй половины XIX века, на протяжении многих лет привлекающим литературоведов и исследователей культуры по всему миру, является нигилизм. Исследователи до сих пор задаются вопросами, как и о самом термине и уместности его использования по отношению к работам русских писателей, так и о характерных чертах нигилизма как социального и литературного явления. Романы И. С. Тургенева “Отцы и дети” и Н. С. Лескова “Некуда” с уверенностью можно считать литературными произведениями, подарившими нам одни из наиболее ярких художественных осмыслений явления нигилизма в социально-политической жизни России пятидесятих–шестидесятих годов XIX века.

Актуальность данной темы продиктована ее неоднозначностью. Современники часто представляли нигилистическое движение в дурном свете, советские исследователи ставили акцент на его революционный характер и социальную значимость, а в наше время в правовой жизни российского общества распространение получил феномен “правового нигилизма”, или пренебрежения законами [Гуляихин 2005]. Подобная полемика порождает необходимость всестороннего изучения нигилистического движения, а также его отражения в литературе, и критической оценки существующих на данный момент данных и выводов по этому вопросу.

Объектом данного исследования является отражение феномена русского нигилизма в литературе XIX века, а предметом — проявления нигилизма и образы нигилистов в романах И. С. Тургенева “Отцы и дети” и Н. С. Лескова “Некуда”. Целью данного исследования является изучение отражения нигилизма, как социального явления, в русской культуре и литературе, а также анализ персонажей-нигилистов в романах Тургенева “Отцы и дети” и Лескова “Некуда”. Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи: изучить распространение нигилизма в России, рассмотреть отражение этого явления в русской литературе, особенно в произведениях Тургенева и Лескова, и, на основе изученной информации, проанализировать и сравнить образы нигилистов в романах “Отцы и дети” и “Некуда” и дать оценку авторской позиции по отношению к явлению нигилизма. Хронологически исследование охватывает пятидесятые и шестидесятые годы XIX века.

Источники, использованные в данном исследовании крайне разнообразны: это и художественная литература, и публицистика, и различная отечественная и зарубежная исследовательская литература, рассматривающая тему нигилизма и образы нигилистов

в исследуемых романах и в русской литературе XIX века в целом. Итак, для достижения поставленной цели данная работа в основном фокусируется на произведениях “Отцы и дети” Тургенева и “Некуда” Лескова. В меньшей степени работа также уделяет внимание романам Н. Г. Чернышевского “Что делать?” и Ф. М. Достоевского “Бесы”. Помимо художественного анализа персонажей-нигилистов, данный тип источников также рассматривается как памятник суждениям о явлении нигилизма в контексте будущего России, распространенных среди русской интеллигенции того времени.

Данное исследование также опирается на ряд публицистических работ литературных и общественных деятелей России XIX века — В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Настроения интеллигенции выражены гораздо более прямолинейно и открыто в подобного рода письменных свидетельствах. Также невозможно обойти вниманием заметки, воспоминания и письма самих Тургенева и Лескова и их современников. Этот тип источников представляет собой важные наблюдения о нигилизме и помогает нам глубже понять личную заинтересованность писателей в данной теме, а также предоставляет нам возможность посмотреть на писателей глазами людей, близких к ним в тот период времени.

Несмотря на то, что в данном исследовании акцент делается на нигилизм как русское общественное и литературное явление, очень важно обратить внимание и на западноевропейские труды о нигилизме в обществе и литературе. Важным для этой работы оказался философский труд М. Хайдеггера “Ницше” [Хайдеггер 2007]. В этой работе автор, помимо исследования связей между философией Фридриха Ницше и феноменом нигилизма, предоставляет данные о возникновении и развитии понятия “нигилизм” и описывает общественные и исторические процессы, обусловившие это явление. Хайдеггер также упоминает в своей работе русских теоретиков нигилизма, особенно отмечая Тургенева, что неизмеримо ценно для этого исследования.

Здесь также стоит отметить зарубежных исследователей русской литературы, работы которых внесли вклад в данное исследование. Это и докторская диссертация В. Торстенссон, посвященная русскому нигилизму как литературному явлению и уделяющая особое внимание понятию антинигилизма [Thorstensson 2013], и труд Э. К. Виртшафтер “Социальные структуры: разночинцы в Российской империи”, посвященный социальному анализу разночинного сословия, из которого вышли нигилисты [Виртшафтер 2002], и статья У. К. Брумфилда, рассматривающая тургеневского Базарова как романтический архетип [Брумфилд 2015].

В основе своей данное исследование обязано ряду русскоязычных современных исследований, рассматривающих феномен нигилизма как общественно-политическое, так и литературное явление. Особенно стоит отметить посвященную разночинцам и нигилистам главу в книге исследователя культуры А. К. Троицкого “Субкультура. История сопротивления российской молодежи, 1815–2018”, рассматривающую как общественно-политический, так и художественно-литературный аспект феномена нигилизма в русской культуре [Троицкий 2019].

Важными для данной работы источниками оказались статьи Э. Я. Фесенко “‘Литературный нигилизм’ как явление русской общественной жизни XIX века” и Т. В. Шоломовой “Эстетизация нигилизма в русской литературе XIX века: к вопросу о пространственных и временных границах явления” [Фесенко 2009; Шоломова 2015]. В то время как Фесенко представляет тщательно собранные данные об эволюции идеи отрицания в русской литературе и публицистике, Шоломова анализирует роль различных литературных произведений в формировании нигилистических взглядов в русском обществе.

В отношении исследования творчества собственно Лескова и Тургенева стоит отметить статьи Е. М. Конышева и Е. О. Дорофеевой, рассматривающие проблему нигилизма и анализирующие ее художественную трактовку в произведениях писателей [Конышев 2009; Конышев, Дорофеева 2014]. Статья В. Г. Андреевой “Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н. С. Лескова и В. Г. Авсеенко” оказалась крайне важна для понимания антинигилизма и отношения этого явления к творчеству Лескова [Андреева 2014]. Монография Г. Г. Розенבלата, посвященная анализу романа Тургенева “Отцы и дети”, хоть и написана в соответствии с советскими идеологическими установками, тем не менее, в общем, дает крайне трезвую оценку произведению и представляет собой ёмкий анализ всех его основных тем [Розенблат 1960]. В анализе романа Лескова “Некуда” незаменимыми оказались книга Л. А. Аннинского “Лесковское ожерелье”, дающая оценку противоречивому прочтению произведений Лескова современниками и потомками, и примечания к роману “Некуда”, написанные критиками В. А. Видуэцкой и И. П. Недзвецким и тонко анализирующие культурные, социальные и политические значения и контексты произведения [Аннинский 1986; Видуэцкая, Недзвецкий 1997].

В первой главе данной работы нигилизм рассматривается как социально-политическое явление в истории России: рассматривается вопрос о возникновении понятия, прослеживаются корни явления в контексте российской действительности середины и второй половины XIX века, анализируется идейная основа нигилистического

движения. Также, в этой главе русский нигилизм рассматривается как литературное явление, и проводится анализ зарождения и развития идеи отрицания в русской литературе и публицистике.

Вторая глава посвящена роману Тургенева “Отцы и дети”. В ней рассматривается реакция современников на художественную трактовку феномена нигилизма Тургеневым, а также проводится тщательный анализ нигилистического мировоззрения персонажей произведения, главным образом Евгения Базарова. Соответственно, третья глава данного исследования посвящена роману Лескова “Некуда”. В ней уделяется внимание понятию “антинигилизм” и рассматривается полемическая оценка произведения современниками и советскими исследователями, а также анализируются созданные писателем образы нигилистов. И во второй, и в третьей главе, путем анализа художественного осмысления персонажей-нигилистов делается попытка дать оценку позиции авторов по отношению к нигилистическому движению. В заключении проводится сравнение созданных писателями образов нигилистов и обсуждаются перспективы дальнейшего исследования данной темы.

ГЛАВА 1. НИГИЛИЗМ В РОССИИ И В МИРЕ

1.1 Нигилизм как социальное явление

Нельзя оспорить тот факт, что XIX век оказался чрезвычайно знаменательным для истории России, ведь он наполнен большим количеством значимых исторических событий, которые привели представителей русской культуры XIX века к формированию новых настроений и идей. Это также нашло свое отражение и в литературе XIX века. Прежде чем перейти к рассуждениям о нигилизме как явлении русской литературы, необходимо отметить некоторые события и факторы, повлиявшие на распространение идей нигилизма в России, что в свою очередь стало почвой для написания романов, анализ которых лежит в основе данной работы.

Идеи, события, а также прямые последствия эпохи Просвещения в Западной Европе и Северной Америке пошатнули авторитет аристократии и церкви, а также во многом еще феодальный уклад жизни в России, и оказали неоспоримое влияние на развитие критического мышления в кругах российской образованной молодежи. Изучение французской Декларации прав человека и гражданина и американской Декларации независимости вызывало горячие споры и пробуждало политическое сознание [Нечкина 1984: 17]. Также сплочение жителей страны, вызванное войной 1812 года, создало искру патриотического настроения в культурной и общественной жизни России. Это привело к возникновению идеологии декабристов, что в свою очередь дало основу для возникновения революционных организаций [Нечкина 1984: 18–19].

После смерти Николая I в 1855 году, период правления которого историки называют “апогеем самодержавия”, экономика страны находилась в плачевном состоянии [Троицкий 2003: 101–108]. Ситуацию усугубляла Крымская война (1853–1856), приведшая к расстройству финансовой системы и потерям территорий. Все это естественным образом привело к вопросу о государственном переустройстве [Троицкий 2003: 169–170]. Итак, сын Николая I Александр II, взошедший на престол после смерти отца, сразу после своей коронации провел программу реформ. Новый уголовный кодекс и переход на частичное самоуправление положили начало преобразованию России из феодального государства в современное, а самой важной из этих реформ, несомненно, стала отмена крепостного права [Троицкий 2003: 194–201]. Однако в целом российское самодержавие четко понимало, что любые слишком радикальные и коренные изменения в государственной системе могут создать революционную ситуацию, поэтому активно избегало их. Тем не менее молодое поколение, вдохновившись западными идеями

Просвещения, жаждало преобразования всех аспектов жизни российского общества, многое казалось им устаревшим и требующим изменений. Реформы Александра II оставляли желать большего, и естественным ответом на сложившуюся в государстве ситуацию стало отрицание существующего порядка.

Эти идеи и сформировали нигилистическое движение в России. Но сперва следует рассмотреть сам термин и определить, что такое нигилизм. Ицкович пишет, что большая часть исследователей до недавнего времени рассматривали феномен нигилизма только как течение общественной мысли. Но этот феномен уникален тем, что породил социальную общность, характерную особым бытовым поведением и образом жизни, а также типом личности и новой формой межчеловеческих отношений. Как раз это и делает явление нигилизма сложным для изучения с идеологической стороны и не позволяет точно объяснить сущность и специфику этого явления. Изучение нигилизма в рамках социокультурной истории более перспективно. В этом контексте, нигилистическая субкультура понимается как культура определенной социальной группы, немного отличающаяся от культуры социума в целом. Сам по себе термин “нигилизм”, от латинского *nihil* — ничто, подразумевает отрицание и зарождение протеста. Итак, как замечает Ицкович, “главным признаком возникшей субкультуры было то, что её представители намеренно противопоставляли себя тому, что называлось ‘обществом’” [Ицкович 2009: 61].

Как замечает Косыхин, в контексте западноевропейской философии первым исследователем истории появления понятия “нигилизм” был Мартин Хайдеггер, который в 1940 году в своем курсе лекций о Фридрихе Ницше представил краткий экскурс в историю этого термина. Позднее, в 1961 году, этот курс был включен в его двухтомник “Ницше”, а в 1967 году автор издал монографию “Европейский нигилизм” [Косыхин 2009: 8]. Хайдеггер, которого, как мы видим, в основном интересовало ницшеанское употребление термина, тем не менее упоминает Фридриха Генриха Якоби, Иоганна Готлиба Фихте, Жан Поля, Федора Михайловича Достоевского, а также Ивана Сергеевича Тургенева как значимых для зарождения понятия “нигилизм” мыслителей, и пишет следующее о его возникновении:

Впервые в философском смысле слова “нигилизм”, по-видимому, употребил Фр. Якоби. В его открытом письме Фихте слово “ничто” встречается довольно часто, а потом говорится: “Поистине, мой дорогой Фихте, мне не стоит досадовать, если Вы или кто бы там ни был, захотят назвать *химеризмом* то, что я противопоставил идеализму, которого браню *нигилизмом*...” Позднее слово “нигилизм” в обиход

ввел Тургенев, обозначив им мировоззрение, согласно которому действительно существует только доступное чувственному восприятию, то есть самопостигаемое сущее, и больше ничего. Тем самым отрицается все, основанное на предании, авторитете и как-либо еще определенной значимости .... Слово “нигилизм” употребляет Жан Поль ..., говоря о романтической поэзии как поэтическом нигилизме. Уместно вспомнить и предисловие Достоевского к его пушкинской речи [Хайдеггер 2007: 27].

Но для Хайдеггера, одним из самых важнейших личностей, определивших понятие “нигилизм” стал Ницше. По мнению автора именно ему принадлежит установление этого термина, употребляемого не только в смысле личного настроения и взглядов человека, но и в смысле исторического движения нации. Для Ницше нигилизм был явлением, которое обозначило обесценивание традиций и отсутствие смысла в материальных элементах мира. В целом, для Ницше этот термин имел более широкое значение. Говоря о “европейском нигилизме”, Ницше подразумевает впервые опознанное, пронизывающее предыдущие века и определяющее собой ближайшее столетие историческое движение, суть которого он сводит к тезису “Бог умер” [Хайдеггер 2007: 27–28].

В русском же контексте термин “нигилист” впервые начал мелькать в критических статьях в середине XIX века и использовался в разных значениях и контекстах (об этом подробнее в следующем разделе), чаще всего являясь синонимом слова “скептик”. Всероссийскую славу слово приобрело весной 1862 года, когда вышел в свет роман Тургенева “Отцы и дети”, и Евгений Базаров, главный герой романа, по факту стал “нигилистом номер один” [Троицкий 2019: 52]. Но к лету 1862 года, это слово приобрело новое — и в широких кругах отрицательное — значение и особый контекст, когда по западу Российской империи прокатилась волна пожаров по причине жаркой погоды и несоблюдения норм пожарной безопасности. Но “сложная политическая обстановка в стране после крестьянской реформы 1861, ... рост революционного движения в Польше, распространение революционных прокламаций, студенческие выступления в Польше и неспособность властей вести борьбу с огнём” вызвали в обществе панические слухи о поджогах [Белова 1992: 357]. Общество посчитало, что в поджогах стоит винить некое мятежное движение во главе с радикальными деятелями, а также польских конспираторов и студентов-нигилистов, которые таким образом демонстрировали свои политические фрустрации [Белова 1992: 357].

Тут, справедливо, возникает вопрос — кем же все-таки были русские нигилисты и кого следует считать нигилистами в контексте русской истории? Как самописание это слово не прижилось: как пишет Троицкий, нигилисты сами себя так называли редко, и предпочитали “такие самописания, как ‘мыслящие реалисты’ (по Писареву), ‘передовая молодёжь’ или попросту ‘новые люди’ (по Чернышевскому)” [Троицкий 2019: 53]. Даже в романе “Отцы и дети” слово используется только в третьем лице [Троицкий 2019: 53]. Прежде всего идеи нигилизма разделяла образованная молодежь среди дворян и разночинцев, готовая к коренным переменам в социально-политической и культурной жизни страны. Как замечают многие исследователи, именно разночинцы являлись значительной частью нигилистического движения.

Виртшафтер определяет разночинцев (то есть людей “разного чина”, “разного происхождения”) как целый ряд промежуточных групп с сильно подвижными границами “как вне, так и внутри социальной структуры”, находящихся “на стыке основных сословий (дворянства, духовенства, горожан и крестьян)” или частично совпадающих с ними [Виртшафтер 2002: 12]. Тем не менее они чаще всего оставались чужаками, не принадлежа ни к одной определенной социальной группе или общине [Виртшафтер 2002: 12]. Проще говоря, разночинцы являлись образованными простолюдинами без прав дворянства [Виртшафтер 2002: 146–147]. Хотя и существуют исследования, которые ставят под сомнение связь между нигилистами и разночинным сословием [Confino 1972: 117–149], тем не менее представления об этих двух социальных явлениях прочно связаны между собой. Параллели обычно проводятся в следующих аспектах: обособленность от устоявшихся социальных и политических привязанностей и ценностей, отказ от дворянских привилегий и излишеств, сдержанность во внешнем виде и быте, а также недовольство властью и текущим положением дел в стране. Как замечает Троицкий, идеология, стиль жизни и политическая практика разночинцев достигли своей крайности именно в движении нигилистов [Троицкий 2019: 52].

Образ жизни, бытовые характеристики и моральный кодекс нигилистов регламентировал довольно строгий свод выведенных самой же данной субкультурой правил [Троицкий 2019: 54]. Внешний вид и стиль в одежде представителей нигилистической субкультуры предписывал скромность и функциональность [Троицкий 2019: 54–55]. Крайне скептическими были взгляды нигилистов на культуру и искусство. По их мнению, искусство должно было нести общественную пользу и быть предназначенным для народа; нигилистам было чуждо понятие “высокого” искусства для элит. Как объясняет Кропоткин: “Нигилисту были противны бесконечные толки о красоте, идеале, искусстве для искусства, эстетике и т. п., тогда как всякий предмет

искусства покупался на деньги, выколоченные у голодающих крестьян или обираемых работников” [Кропоткин 1988: 283–284].

В отношении политической деятельности нигилистов, следует отметить организацию революционных демократов под названием “Земля и воля”, которая была вдохновлена идеями Герцена и Чернышевского и просуществовала с 1861 по 1864 год. Организация была основана с расчетом на то, что освобожденные царским указом крестьяне устроят социалистическую революцию и им будет необходима помощь революционно настроенной интеллигенции. В 1863 году возникла организация, которую называют “ишутинцы” по фамилии ее молодого основателя Николая Ишутина. Ишутинцы организовали несколько производственных артелей и активно вели революционную агитацию среди рабочих и крестьян. Позже, в 1866 году одним из членов этой организации было совершено неудачное покушение на царя. Это способствовало разгрому организации, а также подавлению и преследованию нигилистического движения [Троицкий 2019: 57].

Философ Владимир Карлович Кантор объясняет зарождение нигилизма в России XIX века следующим образом:

Давление самодержавия было столь велико, что мыслителю, желающему противостоять этому давлению, казалось необходимым (чтобы научить людей думать самостоятельно) подвергнуть разрушительной критике буквально всё, включая и искусство, поскольку неизвестно до конца, что и в какой степени “заражено” рабским духом “старой” России [Кантор 1994: 37–38].

Итак, можно с уверенностью сказать, что нигилистическое движение сформировалось в России как следствие долго назревающего кризиса самодержавия и разочарования в компетентности органов власти и их попытках реформировать государственный устрой. Молодое поколение развивало свое политическое сознание и социальную ответственность в том числе и под влиянием западных идей. Многообразные проблемы в жизни общества и общая неопределенность будущего страны порождали чувство протеста среди образованной молодежи тех времен и привели к распространению в шестидесятых годах XIX века нигилистической субкультуры. Тем не менее, как замечают многие критики и исследователи, русский нигилизм в значительной степени явление литературное. В следующем разделе мы рассмотрим некоторые литературные труды, в которых отразились идеи нигилизма.

1.2 Русский нигилизм в литературе

Как и многие другие социальные течения в разные периоды времени, русский нигилизм нашел яркое отражение в русской литературе XIX века. Общепринято считать, что именно И. С. Тургенев, написав роман “Отцы и дети” в 1860–1861 годах, совершил художественное открытие этого понятия в русской литературе [Конышев, Дорофеева 2014: 164]. Как отмечает Косыхин, у Тургенева нигилизм уже показан как “новое модное мировоззрение, отрицающее все религиозные и метафизические принципы и авторитеты” и является “целостным сформированным мировоззрением, способным направлять как ход мышления, так и практические поступки человека” [Косыхин 2009: 22 и 25]. Но для того, чтобы разносторонне подойти к феномену нигилизма в русской культуре, необходимо сперва рассмотреть и другие значимые труды, связанные с этим явлением. Прежде чем перейти к анализу художественного осмысления нигилизма в романах Тургенева и Лескова, необходимо упомянуть других русских писателей и мыслителей, работы которых отражают зарождение и развитие идеи отрицания в русской литературе и публицистике.

Как замечает Фесенко, основоположником русского нигилизма часто называют Виссариона Григорьевича Белинского [Фесенко 2009: 91]. Александр Иванович Герцен писал о нем следующее: “Белинский был нигилистом с 1838 года — он имел на это все права” [Герцен 1959: 216]. Сам Белинский писал: “Отрицание — мой Бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон”, таким образом считая отрицание незаменимым элементом процесса истории [Белинский 1956: 576]. В связи с этим необходимо упомянуть и самого Герцена, одного из видных мыслителей и деятелей нигилистического движения. В своей работе “Роберт Оуэн” Герцен пишет, что “человек живет не для совершения судеб, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился” и рождается “для настоящего, что вовсе не мешает ему ни получать наследство от прошедшего, ни оставлять кое-что по завещанию” [Герцен 1957: 249]. И далее:

Гордиться должны мы тем, что мы не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории... Мы знаем, что ткань эта не без нас шьется, но это — не цель наша, не назначенье, не заданный урок, а последствие той сложной круговой поруки, которая связывает все сущее концами и началами, причинами и действиями [Герцен 1957: 249].

Тут также важно отметить позднее написанную монографию Сергея Николаевича Булгакова “Душевная драма Герцена” (1905). Эта работа, по сути, анализирует нигилистические взгляды Герцена и является ценным взглядом на феномен нигилизма. В ответ на приведенную выше цитату из “Роберта Оуэна”, Булгаков, явно проявляя солидарность размышлениям Герцена, пишет:

И тем не менее, кто решится утверждать, что Герцен не прав, если справедлива его философия? Пусть укажет кто-нибудь смысл жизни, если действительно бытие исчерпывается этим миром явлений? У Герцена хватает мужества и логической честности дойти до конца там, где другие сворачивают с сторону [Булгаков 1904: 19].

По мнению Фесенко, с нигилистами Герцена также роднило желание действовать, рациональность мышления и отторжение к абстрактным рассуждениям [Фесенко 2009: 94].

Значимыми для развития идей нигилизма стали критик и публицист Николай Александрович Добролюбов и писатель Николай Гаврилович Чернышевский, возглавлявшие подъем демократических сил и освободительную борьбу против царизма и крепостного права [Путинцев 1954: 11]. Добролюбов, видный деятель русского революционно-демократического движения, раскритиковав новую книгу своего современника, социолога Василия Васильевича Берви, тем не менее позаимствовал из нее понятие нигилизма, которое Берви использовал как синоним скептицизма [Добролюбов 2011]. Добролюбов писал для прогрессивного литературно-публицистического журнала “Современник”, главным редактором которого был его друг и единомышленник Чернышевский. Рассматривая проявления нигилизма в литературе, невозможно не упомянуть роман Чернышевского “Что делать?”, написанный автором в ответ на роман Тургенева “Отцы и дети”.

Роман “Что делать?” был написан Чернышевским за четыре месяца в тюремной камере Петропавловской крепости в конце 1862 — начале 1863 года. Чернышевский был арестован и осужден за ряд критических трудов, опубликованных в том числе и в “Современнике”, а также по подозрению в авторстве прокламации “Барским крестьянам от их доброжелателей поклон”, в которой жестко критиковались недостатки реформы по отмене крепостного права и которая призывала самих крестьян к революционной деятельности [Троицкий 2019: 50]. Один из самых влиятельных теоретиков анархизма Петр Алексеевич Кропоткин писал, что “для русской молодежи того времени [повесть

“Что делать?”] была своего рода откровением и превратилась в программу ..., сделалась своего рода знаменем” [Кропоткин 2014: 267].

Сам роман и идейные характеристики его героев были основаны на идеях отрицания существующего мироустройства. Произведение описывает жизнь практически идеальных молодых людей и их возвышенные отношения друг с другом (отсюда и подзаголовок повести “Из рассказов о новых людях”) и ожидаемо было воспринято прогрессивной молодежью как пример для подражания и фактически руководство к действию. Герцен о романе писал следующее: “Русские молодые люди ... после 1862 года почти все были из “Что делать?” с прибавлением нескольких базаровских черт” [Герцен 2021].

Главные герои романа — Вера Павловна Розальская, Дмитрий Лопухов и Александр Кирсанов — “молоды и безупречны; они живут удивительной жизнью, где нет места лжи, стяжательству, лицемерию, где всё происходит по справедливости и при этом ко всеобщей выгоде” [Троицкий 2019: 50]. Вера Павловна работает в швейной коммуне, делящей все доходы поровну; также в коммуне живут герои романа. Личная жизнь героев, которую можно охарактеризовать как полиаморные отношения, строится по принципам открытости и честности в чувствах; удовольствие они ставят выше обязанностей. По сравнению с героями Тургенева в романе “Отцы и дети”, типы “новых людей” у Чернышевского представлены достаточно недвусмысленно и однозначно. В то же время герои Чернышевского не занимаются сугубо философствованиями и питанием надежд на перемены в будущем, а начинают проявлять инициативу и действовать в соответствии своим взглядам. Такой сюжет можно считать постепенной эволюцией нигилизма из идейных соображений и поведенческих аспектов единичных индивидуумов в революционное социалистическое движение.

Рассуждая о русском нигилизме, невозможно не назвать имя Дмитрия Ивановича Писарева, который, вдохновившись идеями русского революционно-демократического движения, придал более конкретную форму идеям нигилизма в русском культурном пространстве, и считается одним из главных идеологов нигилистического движения [Новиков 1972: 74]. Исследователи Писарева считают, что в его мировоззрении прослеживаются разные формы нигилизма — в частности, этический, эстетический, религиозный, и политический. Этический был основан на теории “разумного эгоизма” Чернышевского, заключавшегося в идее первенства личных интересов над интересами других людей или социума; эстетический был выражен в его статье “Разрушение эстетики”; религиозный был обусловлен его атеизмом (Писарев считал, что мораль,

руководствующаяся религией, принижает человека); а политический выражал стремление изменить социальную систему [Фесенко 2009: 92].

1869 год стал переломным для русского нигилизма; как замечает Шоломова, этот год стал началом периода так называемого практического нигилизма, или перехода от слов к делу [Шоломова 2015: 130]. В этом году печально известный Сергей Нечаев основал подпольную организацию под названием “Народная расправа” с целью подготовки народной революции. Единственной жертвой “Народной расправы” стал один из ее членов, студент Московской сельскохозяйственной академии Иван Иванов. В ноябре 1869 года, Нечаев и единомышленники убили Иванова, ранее заявившего о своем желании выйти из организации [Троицкий 2019: 58–59].

Как справедливо отмечает Шоломова, это убийство так бы и осталось локальным явлением, если бы не написанный Федором Михайловичем Достоевским роман “Бесы”, опубликованный в 1871–1872 годах и превративший провинциальное преступление в событие мировой значимости. Сюжет “Бесов” во многом основан на материалах нечаевского дела. Таким образом на страницах произведения Достоевского нигилизм обрел глубину и объем и показал присущую ему связь со смертью [Шоломова 2015: 130]. В романе Достоевского Нечаев стал прообразом антигероя Петра Верховенского, а Иван Иванов — разочаровавшегося бунтаря Ивана Шатова, убитого нигилистами; в уста последнего Достоевский вложил некоторые собственные воззрения и идеи. По этой причине отношение самого писателя к нигилистическому движению принято считать неоднозначным.

Убийство студента Иванова шокировало общественность, которая теперь видела в нигилистах не хулиганов-поджигателей, а хладнокровных убийц. Чувства общественности нашли отражение в нескольких “антинигилистических” романах популярных современных писателей: это и “Обрыв” (1869) Ивана Александровича Гончарова с крайне неприятным персонажем-нигилистом Марком Волоховым, и диалогия “Кровавый пуф” (1870–1874) Всеволода Владимировича Крестовского. Антинигилистическими также считаются произведения Лескова “На ножах” (1870–1871) и более раннее “Некуда” (1864). О романе “Некуда” и отношению Лескова к нигилизму будет подробнее сказано в третьей главе данной работы, но тут стоит обратить внимание на следующее.

Термин “антинигилизм” по применению к литературе зародился в советской литературной критике и часто использовался советскими исследователями как синоним слов реакционизм или охранительство, а антинигилистические романы считались низкопробной, второсортной литературой, недостойной внимания и изучения [Андреева

2014: 131]. Среди современных исследователи русской литературы есть тенденция рассматривать эти произведения как романы “о массовом русском позитивисте (‘нигилисте’), но критически осмысленном в свете уже традиционных российских верований и ценностей” [Недзвецкий 2011: 87]. Андреева замечает, что критика радикальных элементов среди молодежи не являлась самоцелью Лескова, и, в целом, писатель не приравнивает нигилизм к идеям революционно-демократического движения. Для Лескова нигилизм это невежество и хищничество людей, а следовательно путь в никуда и в конечном счете гибель для России [Андреева 2014: 132].

Образ русского нигилиста нашел отражение и в зарубежной литературе XIX–XXI веков. Как замечает Ушакова, образ Базарова в романе Тургенева “Отцы и дети” со временем стал служить архетипом нигилиста в мировой литературе. По мнению Ушаковой, западная литература в целом высоко восприимчива к этому персонажу по причине того, что образ Базарова корнями уходит в европейскую культурную традицию. Ушакова называет ряд произведений, в которых нашел отражение образ русского нигилиста: это пьеса “Вера, или Нигилисты” и рассказ “Преступление лорда Артура Сэвила” Оскара Уайлда, рассказы “Ночь среди нигилистов” и “Пенсне в золотой оправе” Артура Конана Дойля, романы “Тайный агент” и “На взгляд Запада” Джозефа Конрада, роман “Рождественские каникулы” Сомерсета Моэма, трилогия “Берег утопии” Тома Стоппарда и роман “Осень в Петербурге” Джона Максвелла Кутзее [Ушакова 2016].

Из вышесказанного следует, что явление нигилизма волновало умы русских критиков и писателей второй половины XIX века, и в результате этого было разносторонне задокументировано, а также художественно описано в русской литературе и публицистике. Из этих работ сложно вывести более или менее гомогенное видение нигилистического движения или “стандартного” его представителя, но проследить одну общую тенденцию все-таки возможно. Русский нигилист, отраженный в литературе, постоянно находится в состоянии противостояния как внешним силам, таким как самодержавие и государственный устрой, общество и его устоявшиеся социальные установки, так и внутренним, так как по сути дела часто находится в противоборстве с самим собой, своими чувствами, поведением, происхождением; его мучают всяческие внутренние противоречия. В последующих двух главах мы подробнее рассмотрим художественную трактовку нигилистических идей, а также образы молодых людей-нигилистов в романах Тургенева “Отцы и дети” и Лескова “Некуда”.

ГЛАВА 2. НИГИЛИЗМ В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА “ОТЦЫ И ДЕТИ”

Наиширочайшее раскрытие темы нигилизма заслуженно приписывают роману Ивана Сергеевича Тургенева “Отцы и дети”, а главный герой романа Евгений Базаров считается героем своего времени, выражением современности и главным нигилистом в русской литературе. Сам Тургенев писал о своем персонаже следующее:

В основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. ... В этом замечательном человеке воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма” [Тургенев 1967: 97].

Однако так ли однозначны образы Базарова и других героев романа, называющих себя нигилистами, а также художественное описание их нигилистической позиции в романе Тургенева?

Идея написать роман появилась у Тургенева в 1860 году. Роман был закончен в 1861 году и напечатан в 1862, и сразу привлёк внимание читателей и критиков. Как отмечает Петров, роман ждали с предубеждением, и еще до его выхода вокруг него разгорелась бурная полемика [Петров 1983: 13]. Итак, для того чтобы правильно трактовать идеи и убеждения нигилистов в романе Тургенева, стоит обратить внимание на прочтение и критику романа современников писателя и интеллигенции второй половины XIX века. Наиболее значимые критические статьи, которые стоит отметить, это статьи Писарева и Антоновича. Справедливо будет сказать, что их понимание романа и анализ главного героя романа и его взглядов были крайне противоречивыми.

Вышеупомянутый журнал “Современник” встретил роман Тургенева критической статьей Антоновича под названием “Асмодей нашего времени”, которая была написана в крайне резких и недоброжелательных тонах и в целом давала негативную оценку произведению. В своей статье Антонович приравнивал Тургенева к реакционерам, настроенным против передовой молодежи, образ Базарова интерпретировал как слабую карикатуру на прогрессивную молодежь и в целом увидел неоправданное прославление “отцов” и клевету на демократическое молодое поколение. Вскоре за этим и Чернышевский, говоря о романе Тургенева, дал и произведению, и его главному герою Базарову похожую оценку. Тем не менее, учитывая то, что статья Антоновича в некоторой мере отражала позицию журнала “Современник”, где считали, что Тургенев представил образ “нового человека” в своем произведении крайне

искаженно, она не была одобрена в среде единомышленников журнала [Петров 1983: 13; Розенблат 1960: 8].

В свою очередь Писарев дал роману Тургенева крайне положительный отзыв. По его мнению, Базаров — “представитель нашего молодого поколения; в его личности сгруппированы те свойства, которые мелкими долями рассыпаны в массах” [Писарев 1955: 8]. Писарев видит Базарова человеком суровым, сильным, с развитым природным умом, не принимающим на веру любые понятия и убеждения и полагающимся только на свой опыт, по сути дела — эмпириком. Опыт для Базарова — единственный способ познания, а личные ощущения — главенствующее доказательство [Писарев 1955: 8–9]. Как видно из вышесказанного, образ Базарова вызвал у современников самые противоречивые споры, но, как замечают Конышев и Дорофеева, в итоге восторжествовала именно точка зрения Писарева, высоко оценившего личность, силу характера, ум, и благородство тургеневского героя и хвалившего Тургенева за создание такого многогранного и глубокого литературного персонажа [Конышев, Дорофеева 2014: 164].

2.1 Базаров — нигилист или романтик?

За Евгением Базаровым закрепилась слава персонажа-воплощения идей прогрессивной молодёжи XIX века, поэтому исследователи до сих пор проводят анализ его мировоззрений, идей и политических убеждений, представленных Тургеневым на страницах своего романа. Действие романа разворачивается в 1859 году, то есть как раз накануне отмены крепостного права и крестьянской реформы, проведенной Александром II. В завязке романа, молодой кандидат наук Аркадий Кирсанов приезжает в деревню к своему отцу Николаю Петровичу вместе со своим другом Евгением Базаровым, к которому, очевидно, относится с большим почтением и даже восхищением. Между Базаровым и старшим Кирсановым, а также его братом Павлом Петровичем, возникает конфликт, так как Базарову чужды их либеральные взгляды. Позже, этот конфликт поколений отразится, как в зеркале, в эпизоде, где Базаров гостит у своих родителей-консерваторов, с мировоззрением которых герой тоже несогласен.

Итак, в фигуре Базарова сводятся воедино идеи, царившие в среде российской молодежи середины XIX века, подвергающейся критике как консервативные, так и либеральные направления мысли. Друг Базарова, Аркадий Кирсанов, сам представленный Тургеневым как нигилист (который, впрочем, в итоге разочаровывается в своих взглядах) описывает нигилистическое миропонимание следующим образом:

нигилист “не склоняется ни перед какими авторитетами”, “не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружён этот принцип” и “ко всему относится с критической точки зрения” [Тургенев 2012: 22]. Это определение, вложенное Тургеневым в уста Аркадия Кирсанова, крайне точно описывает Базарова, который презирает не только консервативные и феодально-монархические авторитеты и принципы, но и многие либеральные взгляды и устои — этим и объясняется его конфликт со вполне либеральными старшими Кирсановыми.

Как замечает Розенблат, в романе Тургенева описывается конфликт не столько возрастной, сколько социальной [Розенблат 1960: 9]. Анализируя произведение, мы видим, что взглядам Базарова противостоят не только старшие Кирсановы, чиновник Колязин, его же родители Василий Иванович и Арина Власьевна Базаровы и другие люди старшего поколения, но и многие представители молодежи в романе. Это и сам Аркадий, легко отказавшийся от нигилистических идей и от дружбы с Базаровым в пользу счастливой семейной жизни, и любовный интерес Базарова Анна Сергеевна Одинцова, ценящая спокойствие выше всего и видящая в Базарове потенциального нарушителя ее комфорта и покоя, и сестра Одинцовой Катя, заявляющая “мы вас переделаем” Аркадию, имея в виду нигилистические взгляды Аркадия и Базарова. К концу романа в числе прогрессивной молодежи остается, в сущности, один лишь Базаров.

Базаров изображен человеком, который ничего не берет на веру и проверяет все на собственном опыте. В разговоре с Аркадием о красоте природы, Базаров говорит: “Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник” [Тургенев 2012: 41]. Таким образом Тургенев подчеркивает, что для Базарова природа является исключительно объектом изучения и никак не источником эстетических чувств. Итак, философские взгляды Базарова можно охарактеризовать как категорический материализм, а именно его ответвление эмпиризм, в котором реальностью считается исключительно то, что может быть подтверждено естественнонаучными методами.

В глазах Базарова нет ничего, что не вызывало бы “полного и беспощадного отрицания” [Тургенев 2012: 50–51]. Из его материалистического мировоззрения исходит его неуважение к искусству, что прослеживается во многих сценах романа. Например, услышав в доме Кирсановых игру на виолончели, Базаров с изумлением спрашивает, что это, и когда Аркадий отвечает, что это играет его отец Николай Петрович, Базаров хохочет и язвительно намекает, что 44-летнему отцу семейства неуместно играть на виолончели [Тургенев 2012: 41]. Похожую реакцию у героя вызвало и то, что Николай Петрович читает Пушкина: “... это никуда не годится. Ведь он не мальчик: пора бросить эту ерунду” [Тургенев 2012: 43]. По мнению Базарова, “Рафаэль гроша медного не стоит,

да и [русские художники] не лучше его”, а “порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта” [Тургенев 2012: 50 и 26]. Итак, уважения “нового человека” Базарова достойны лишь практические, рациональные знания и точные науки.

Отсюда исходит и отрицание Базаровым традиционной морали (“Мы действуем в силу того, что признаем полезным”) и его атеизм (“Я гляжу в небо только тогда, когда хочу чихнуть”) [Тургенев 2012: 46 и 125]. Неудивительно также то, что для Базарова любовь и чувства в целом — это химические реакции, в которых нет ничего таинственного. “И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной?”, спрашивает он Аркадия, “Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество” [Тургенев 2012: 32]. Любовь для Базарова — чистая физиология; любви в идеальном, романтическом смысле для него не существует, это “белиберда” и “непростительная дурь” [Тургенев 2012: 87]. В этом аспекте Тургенев снова противопоставляет Базарова поколению “отцов” на страницах романа, одной из отличительных черт которого был культ любовного чувства и отношений [Розенблат: 1960, 28]. Это явно показано на примере Павла Петровича Кирсанова, пережившего в молодости трагическую любовь, и его чувств к Фенечке, а также последующей дуэли с Базаровым. Для Базарова, такое отношение к любви — “дурь”, а Павел Петрович “раскис и распустился”, “стал ни на что не способен”, “не мужчина, не самец” [Тургенев 2012: 31–32].

Таково мировоззрение Базарова, но Тургенев не соглашается с ним и нарочито ставит своего героя в ситуации, которые подвергают его взгляды на жизнь серьезным испытаниям. В частности, отрицающий любовные чувства и романтизм Базаров, под пером Тургенева, влюбляется. Итак, из-за напряженных отношений со старшими Кирсановыми, Базаров и Аркадий решают ехать в губернский город, где проводят время среди местной “прогрессивной” молодежи — Виктора Ситникова и Авдотьи Кукшиной. Позже, на балу Базаров и Кирсанов знакомятся с Анной Одинцовой, оба увлекаются ей и проводят некоторое время в ее семейном имении. Базаров решает признаться Одинцовой в своих чувствах, но не встречает взаимности и вынужден уехать, что приводит его к душевным терзаниям. Таким образом, любовь оказывается испытанием для Базарова и его нигилистического взгляда на жизнь.

По мнению Брумфилда, современникам романа Тургенева, увидевшим в Базарове пример для подражания, было свойственно додумывать образ литературного героя и дополнять его отсутствовавшими в оригинале романа деталями, чтобы как можно более идеологически приблизить его к представителям радикальных течений 1860-х годов. Автор же справедливо считает, что образ Базарова в немалой степени определен

“литературным архетипом, вышедшим из европейского романтизма”, который также четко прослеживается в ранних произведениях Тургенева [Брумфилд 2015: 287]. Тургенев действительно представляет Базарова не столько продуктом идеологии нигилизма, сколько бунтарем-романтиком. Элемент нигилистических идей уже к середине романа значительно ослабевает, и мы начинаем видеть, что действия и поступки Базарова не совсем соответствуют его радикальным идеям. По мнению Брумфилда, нигилистические идеи Базарова скорее создают для героя “некое изолированное положение, из которого ему удобнее бросать вызов установившемуся в мире порядку вещей” [Брумфилд 2015: 289].

Итак, при пристальном рассмотрении романа Тургенева и образа Базарова в нем создается впечатление, что Тургенев наделил своего героя рядом некоторых качеств, а также распространенных среди прогрессивной молодежи того времени политических взглядов с целью того, чтобы подвести его к конфликту с вечными ценностями, такими как любовь, дружба, красота и сила природы. Базаров отрицает эти ценности, но в то же время со временем начинает чувствовать в себе присутствие так ненавидимого им романтического духа. Описывая мысли Базарова по отношению к Одинцовой, Тургенев пишет: “В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал свое равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе” [Тургенев 2012: 88].

Тем не менее, нигилизм Базарова нельзя назвать притворным, наигранным или фальшивым. Нигилистические взгляды Базарова — одна из важных составляющих его романтического образа. Как тонко замечает Брумфилд, это четко прослеживается в словах самого Тургенева, например в его заметках к более поздней повести “Новь” (1876) [Брумфилд 2015: 289]. В них Тургенев упоминает о неких романтиках реализма, внутренний конфликт которых при близком рассмотрении сильно напоминает внутренний конфликт Базарова, ведь они “тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу. Они ищут в реальном не поэзии — эта им смешна, но нечто великое и значительное, — а это вздор: настоящая жизнь прозаична и должна быть такою” [Тургенев 1966: 314]. Далее, обозначив тип данного романтика реализма, Тургенев признается: “... я и в Базарова внес частицу этого романтизма” [Тургенев 1966: 314].

Одинцова не отвечает взаимностью на чувства Базарова, чем вызывает в нем глубокий духовный упадок. На деле герой страдает вдвойне — из-за невольных чувств к женщине и из-за того, что не может ее добиться. Это и становится “началом конца” Базарова и в итоге приводит к преждевременной смерти героя. В конце произведения

Базаров возвращается к своим родителям, где ассистирует отцу-хирургу. Случайно порезавшись во время вскрытия умершего от тифа больного, Базаров вскоре сам умирает от заражения крови.

Таким образом, если Тургенев и не находит способа примирить внутренний конфликт Базарова между отрицанием любви и влюбленностью в Одинцову, то последние строки романа все же намекают на посмертное примирение героя с природой и ее божественным началом. В последней сцене романа родители Базарова навещают могилу сына, и Тургенев, делая отсылку к нигилистическому мировоззрению, задает следующие вопросы — “Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всеильна?”, — на которые сам же дает достаточно однозначный ответ:

О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной... [Тургенев 2012: 189].

По мнению Брумфилда, такой концовкой писатель обеспечивает разрешение внутреннего конфликта героя и примирение с природой, “которое само по себе основывается на романтическом взгляде на единство человека и природы — или стремлении к таковому единству” [Брумфилд 2015: 289].

Итак, если образ главного нигилиста романа “Отцы и дети” в значительной степени определяется литературным архетипом бунтаря-романтика, как же представлены в романе другие персонажи, которых можно отнести к категории нигилистической молодежи? Как уже было сказано выше, Аркадий Кирсанов, по началу полностью разделяющий мировоззрение Базарова и откровенно благоговеющий перед ним, отказывается от прежних радикальных взглядов в пользу банальных радостей семейной жизни с сестрой Одинцовой Катей. Аркадий даже проявляет интерес к тому, чтобы вести семейное поместье как прибыльное предприятие, за что Базаров зовет его “либеральный барич”, по сути дела приравнивая своего приятеля к его отцу и дяде, либеральным дворянам [Тургенев 2012: 171].

В романе Тургенева есть и другие представители прогрессивной молодежи — это второстепенные персонажи Ситников и Кукшина. В описании этих персонажей автором проглядывается явная неприязнь и сатирические тона: Ситников готов во всем слепо

следовать за Базаровым, так как видит в нем харизматичного лидера, которому раболепствует. Идеологическая же составляющая нигилизма и философия материализма его слабо интересуют. Кукшина, представленная Ситниковым как “*emancipee* в истинном смысле слова, передовая женщина”, описана Тургеневым как некрасивая, неряшливая и вульгарная женщина; она брошена мужем, у нее нет детей [Тургенев 2012: 60]. По всей видимости, в глазах Тургенева, нигилистические взгляды помогают Кукшиной замаскировать то, что она не состоялась в этой жизни как женщина (тут следует отметить, что данную характеристику естественным образом необходимо понимать в контексте времени, в котором роль женщины в обществе все еще рассматривалась в рамках социальных ролей жены, матери и хранительницы очага).

Таким образом, единственным нигилистом в романе “Отцы и дети”, вызывающим хоть сколько-нибудь солидарности и уважения читателя, остается Базаров. Неудивительно, что такая художественная интерпретация движения нигилистов в романе вызвала одобрение властей. В отчете Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (высший орган службы безопасности Российской империи с 1826 по 1880 годы) за 1862 год было написано:

Благотворное влияние на умы имело сочинение известного писателя Ивана Тургенева “Отцы и дети”. ... Тургенев этим сочинением, неожиданно для молодого поколения, недавно ему рукоплескавшего, заклеил наших недорослей революционеров едким именем нигилистов и поколебал учение материалистов и его представителей [Бельчиков 1923: 165–166]

Как уже было упомянуто в первой главе данной работы, политические взгляды нигилистической субкультуры заключались в неприятии авторитета властей и стремлении к ликвидации существующего государственного и общественного устройства в пользу системы, основанной на рациональных принципах и служащей народу. В отчете того же Третьего отделения за 1869 год о русском нигилисте ёмко сказано, что “он соединяет в себе западных: атеиста, материалиста, революционера, социалиста и коммуниста. Он — отъявленный враг государственного и общественного строя, он не признаёт правительства” [Нигилизм (из отчета III отделения)].

Однако, многие исследователи замечают, что у Тургенева революционная составляющая нигилиста Базарова, в отличие от его моральных и философских убеждений, отображена достаточно расплывчато, туманно и неубедительно [Троицкий 2019: 53; Розенблат 1960: 21–22]. Учитывая это, становится ясно, почему

единомышленники журнала “Современник” во главе с Чернышевским не увидели в Базарове “нового человека” и посчитали его образ шаржем на революционно-демократическую молодежь, как упоминалось выше. Розенблат объясняет такой выбор Тургенева цензурными соображениями, так как все-таки писатель в письме другу, поэту и критику Константину Константиновичу Случевскому, признается, что под словом нигилист он подразумевал революционера [Розенблат 1960: 21].

Базаров действительно никогда не озвучивает открытого призыва к государственному перевороту и не показан за революционной деятельностью. На вопрос Павла Петровича, интересующегося, собирается ли он действовать, Базаров отвечает молчанием, а в разговоре с Одинцовой туманно говорит: “Выйдет случай что-нибудь сделать — прекрасно, а не выйдет — по крайней мере тем будешь доволен, что заранее напрасно не болтал” [Тургенев 2012: 49 и 98]. Таким образом, Тургенев намекает, что Базаров готов действовать и в целом стремиться к борьбе: в своем последнем разговоре с Кирсановым, Базаров противопоставляет себя “либеральному баричу”, в котором, по его мнению, нет “ни дерзости, ни злости”, и заявляет: “... а мы драться хотим. ... Нам других ломать надо!” [Тургенев 2012: 172]. Однако, как замечает Розенблат, готовность Базарова к действию не имеет ясной цели, то есть программы социальных и политических преобразований, в отличие от истинных “новых людей”, революционных демократов [Розенблат 1960: 22]. Базаров считает, что “[строить] уже не наше дело... Сперва место надо расчистить” [Тургенев 2012: 47].

Таким образом для Базарова разрушение старых устоев является конечной целью, а не шагом на пути строения нового — в этом и заключается его главное отличие от революционных демократов, по мнению Розенבלата [Розенблат 1960: 22]. Тургенев также наделил своего героя неприязнью к простому народу: “А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет” [Тургенев 2012: 122]. В этом отражается мировоззрение самого Тургенева, который не разделял всех убеждений революционных демократов, что в итоге и привело к разрыву писателя с журналом “Современник” и к натянутым отношениям с кругом его единомышленников — Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым [Чернышевский 1983: 321–340]. Тургенев был тверд в своей вере, что жизнь народа необходимо улучшать только посредством мирных преобразований, не хотел революции и считал, что демократы-интеллигенты оторваны от народа и по этой причине никогда не смогут возглавить народную революцию [Розенблат 1960: 23]. Образ Базарова в значительной степени стал воплощением политических измышлений и сомнений самого Тургенева.

Итак, вышедший из-под пера Тургенева нигилист Базаров оказывается непоследовательным ни в нигилистической теории, ни на практике. Тем не менее, анализируя произведение, мы чувствуем глубокое сочувствие и сопереживание писателя к своему герою. Сам Тургенев насчет Базарова писал, что он не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному им образу, но в то же время отнесся к нему критически и объективно [Тургенев 2008: 190 и 193]. Тургенев признается, что сам не знает, любит или нет описанного им героя, а в ответ на полемику, которую породил образ Базарова, справедливо замечает, что, когда отношение автора к герою неопределенно, читателя это сердит и он готов “навязать автору небывалые симпатии или небывалые антипатии, чтобы только выйти из неприятной ‘неопределенности’” [Тургенев 2008: 193].

Учитывая все вышесказанное в данной главе, неудивительно, что фигура Базарова вызвала в кругах современников Тургенева горячие споры, которые в какой-то степени продолжают и до сих пор. И хоть в основном и прижилась данная Писаревым интерпретация Базарова как “нового человека”, наделенного мужеством оспаривать устоявшиеся принципы, при ближайшем рассмотрении герой Тургенева оставляет больше вопросов, чем ответов. Как будет наглядно продемонстрировано в следующей главе, не менее дискуссионной является и художественная трактовка движения нигилистов в романе Лескова “Некуда”.

ГЛАВА 3. НИГИЛИСТЫ В РОМАНЕ ЛЕСКОВА “НЕКУДА”

Как уже было сказано ранее, некоторые романы Лескова, в том числе и “Некуда” (1864), долгое время было принято считать антинигилистическими. Термин “антинигилизм” зародился в советской литературной критике и использовался как синоним слов реакционизм или охранительство, а сами романы, причисляемые к антинигилистическим, считались некачественной литературой, недостойной внимания и изучения [Андреева 2014: 131]. Итак, в этой главе мы рассмотрим трактовку нигилистического движения в романе Лескова “Некуда” и проанализируем созданные писателем образы нигилистов с целью критически оценить применение термина “антинигилизм” к творчеству Лескова и поставить под вопрос причисление писателя к реакционерам в вопросе о реформах в России второй половины XIX века.

В романе Лескова отражены общественные настроения и исторические события России 60-х годов XIX века. Роман состоит из трех книг: “В провинции”, “В Москве”, “На невских берегах”, названия которых отражают сюжетную линию. Итак, действие романа разворачивается в провинции (дворянская усадьба, монастырь и уездный город), в Москве и затем в Петербурге, а некоторые главы охватывают даже Польшу и Швейцарию. Центральным персонажем романа, несомненно, является Лизвета Егоровна Бахарева, которой чужд окружающий ее быт и его рутина, интересы и устои. Это побуждает Лизу покинуть родительский дом в поисках лучшей жизни и единомышленников.

В первой книге стоит отметить главы, в которых Лиза с подругой Женни Гловацкой проводят в монастыре, настоятельницей которого является тетя Лизы Агния Николаевна. В пятой главе с говорящим названием “Старое с новым” между Агнией и Лизой возникает конфликт о важности семьи и о роли женщины в ней. Для Агнии именно упадок института семьи и подрыв авторитета в нем является причиной общественных перипетий, и Лизе такой взгляд на жизнь кажется странным и отсталым [Лесков 1997: 22–26]. Стоит отметить, что в этой сцене Агния очень положительно отзывается о покойной матери Женни, и говорит девушкам, что им не нужно далеко искать себе образцов. Эта короткая реплика Агнии крайне важна для понимания всего романа и авторской позиции Лескова и подразумевает, что образцами для подражания молодежи запросто могут послужить старшие члены их семьи. Итак, именно монастырь в первой книге романа “Некуда” можно интерпретировать как символ истины, встретившейся на пути молодого поколения, но оставшейся не замеченной ими.

Лиза много и беспорядочно читает, окружающие люди кажутся ей “мразью” и “памятниками прошедших привязанностей”, которые живут в простеньком “мирке”, а не в свободном и правдивом мире [Лесков 1997: 166–167]. Вскоре Лиза отправляется с семьей в Москву, где попадает под влияние круга радикально настроенной молодежи, собирающейся в домах Казимира Рациборского, который в последствии оказывается польским заговорщиком, и маркизы де Бараль. Лиза воодушевляется их идеями. В шестой главе второй книги под названием “Углекислые феи чистых прудов” описывается салон маркизы, где собирается “прогрессивная” молодежь. В их убеждениях мало здравого смысла: Лесков, несомненно, не разделяет их нигилистических взглядов, которые, по его мнению, направлены на разрушение российского общества и ценностей.

Позже, окончательно разрывая отношения с семьей, Лиза отправляется в Петербург, где поселяется в коммуне нигилистов, так называемом “Доме согласия”. В третьей книге романа подробно описывается домашняя жизнь коммуны и взгляды ее членов (об этом будет подробнее сказано ниже). К концу романа коммуна распадается, так как более честные ее члены один за другим понимают, что выбранный ими путь ведет в никуда, а другие больше не видят в такой жизни выгоды для себя. В то время многие представители прогрессивной прослойки общества видели в коммунах шанс поэкспериментировать над созданием идеального общества. В романе Лескова “Дом согласия” описывается с иронией, как форма без содержания.

Лиза до последнего остается верна своим убеждениям “о необходимости радикального перелома”, и, “не заходя в вопрос глубоко и практически”, ищет его разрешения в окружающих ее “новых людях” [Лесков 1997: 396]. Эти “новые люди” в большинстве своем оказываются либо просто увлекшимися новыми веяниями, либо жаждущими наживы авантюристами и обманщиками, либо попросту глупцами. Они не оправдывают ожиданий героини, и она обречена на одиночество. Единственный близкий Лизе человек — это иностранец и революционер-социалист Райнер, который хоть и вхож в круги карикатурно-вульгарных нигилистов в “Некуда”, не имеет с ними ничего общего. Райнер один из немногих персонажей романа Лескова, изображенный последовательным в своих убеждениях: он уезжает в Польшу сражаться на стороне угнетенного народа, где оказывается арестован и приговорен к расстрелу. Лиза в тайне от всех едет на расстрел и возвращается тяжело больной. Героиня продолжает стоять на своем и перед смертью бросает ухаживающим за ней Женни и доктору Розанову (один из немногих персонажей романа, помимо Райнера, изображенный честным и здравомыслящим), что с “новыми

людьми” у нее “общего... хоть ненависть... хоть неумение мириться с тем обществом, с которым все вы миритесь ... а с вами ... ничего” [Лесков 1997: 658].

Роман Лескова был опубликован в 1864 году в журнале “Библиотека для чтения”, редакция которого не разделяла революционно-демократических идей перестройки общества. Долгое время произведение Лескова воспринималось как художественно слабое и неудачное в карьере писателя [Кашкарева 2016: 146]. Как пишет Горелов, роман вызвал бурю негодования среди коллег-современников Лескова [Горелов 1984: 15]. В прогрессивном журнале “Современник” Лескова называли либералом только на словах, “а на деле, что хотите” [Горелов 1984: 15]. Писарев в свою очередь назвал Лескова ненавистником будущего и призывал к отлучению писателя от русской литературы [Горелов 1984: 15]. Критиков возмущало то, что Лесков своим романом показал, что молодежь, жаждущая перемен в жизни общества и политике государства, движется в никуда, да и двигаться ей некуда.

Как уже было сказано выше, в советское время по известным идеологическим причинам — нигилисты считались предшественниками марксистов и сторонников и деятелей революции 1917 года — роман тоже был воспринят в штыки. Советский исследователь литературы Другов писал о романе “Некуда”, что тот заполнен “сырым, непродуманным материалом, излишними автобиографическими признаниями и личными выпадами” и был написан “словно в оправдание авторского двойника — доктора Розанова” [Другов 1961: 26]. В духе советской критики антинигилистических романов, Другов отмечал, что роман имел “скандальный обывательский успех и еще больше отдалил Лескова от передовых читателей” [Другов 1961: 26]. Другой советский критик, Тотубалина, также отмечает, что “памфлетно-карикатурные” образы нигилистов Лесков в своем романе списывал с ряда известных деятелей общественного движения 1860-х годов, что сильно возмутило передовую интеллигенцию [Тотубалина 1956: 717].

Как подтверждает сын писателя, Андрей Лесков, многие из современников отмечали в своих мемуарах “фотографичность” некоторых персонажей “Некуда” и описываемых в романе событий, “подтверждая тем самым достоверность последних” [Лесков 1984: 252]. Действительно, за изображенными в романе событиями и персонажами просвещенный читатель мог угадать реальные события и людей. Лесков открыто признавал, что социалиста Райнера он писал с польско-британского политического активиста и революционного деятеля Артура Бенни, сражавшегося на стороне Гарибальди в Италии и погибшего от ранений [Лесков 1984: 252]. В Лизе Бахаревой угадывалась жена Бенни, Мария Николаевна Коптева. Многие критики замечали, что в докторе Розанове писатель изобразил самого себя. В безнравственных и

самовластных представителях нигилистического движения в романе читатели тоже увидели реальных людей. В самодовольном дворянине Белоярцеве угадывался русский писатель и публицист Василий Алексеевич Слепцов, который в 1863 году основал первую коммуну в Петербурге в доме на улице Знаменской (к которой, между прочим, чуть позже присоединилась Коптева), в маркизе де Бараль — рьяная либералка, издательница газеты “Русская речь” графиня Елизавета Васильевна Салиас [Лесков 1984: 249].

Сам Лесков, возможно отчасти лукаво, на утверждения о схожести некоторых персонажей своего романа с реальными людьми, писал, что во всем произведении “нет ни одного слова, вскрывающего неприкосновенность чьих бы то ни было семейных тайн”, а все действующие лица и их действия “есть чистый вымысел, а видимое их сходство (кому такое представляется) не может никого ни обижать, ни компрометировать”, поясняя что нет такой литературной работы в которой не встречалось бы персонажей, напоминающий реальных людей [Лесков 1997: 678].

В то же время, Лесков соглашался с некоторыми аспектами критики в сторону “Некуда”. Он считал, что его роман имеет признаки его писательской неумелости и спешности, и что успех романа лежит не в его художественной ценности, а в точности отображения времени и людей эпохи, которую писатель называет “комической” [Лесков 1997: 687–688]. Лесков признавался, что многие критики романа были убеждены, что произведение было написано по заказу Третьего отделения, хотя на самом деле “цензура не душила ни одной книги с таким остервенением, как ‘Некуда’” [Лесков 1997: 687]. Это привело к изъятию цензурой целых глав произведения. Писатель говорил, что признает роман “Некуда” честнейшим делом своей жизни, и что в нем он “писал только *правду дня*”, и если она и вышла лучше, чем у других писателей, то это потому, что в романе дано “место великой силе преданий и традиций христианской или, по крайней мере, доброй семьи” [Лесков 1997: 688]. Также Лесков признавался, что спровоцированное романом “гнусное оклеветание” испортило его положение в литературе и лишило его возможности работать на долгие годы [Лесков 1984: 252–253].

Итак, можно смело заявить, что незамутненное идеологическими предубеждениями прочтение романа Лескова “Некуда” стало возможным только после распада СССР в 1991-м году и последовавшего возрождения отечественной литературной критики в 90-х годах. Лишь в это время произведение было пересмотрено и получило оценку как культурно значимое. Как замечают Видуэцкая и Недзвецкий, неправота критиков, которые видели в Лескове одного из русских литераторов, пытавшихся своими работами поддержать традиционные ценности, такие как

дворянство, институт семьи и религиозные принципы, очевидна. Лескову, как человеку независимому и остро реагирующему на социальные несправедливости, были крайне чужды охранительные цели [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 695].

3.1 Спектр нигилизма в романе Лескова “Некуда”

Высмеивание прототипов персонажей в “Некуда” действительно не было целью Лескова, который был больше заинтересован в создании типологии нигилистов. Еще до начала работы над “Некуда” Лесков уже размышлял о поиске правильных способах представления и художественного осмысления проблемы нигилизма в литературе. В своей рецензии на роман Чернышевского “Что делать?” Лесков утверждал, что есть нигилисты плохие и хорошие, и писал: “Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь до способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами” [Аннинский 1986: 20]. По мнению Видуэцкой и Недзвецкого, при ближайшем рассмотрении романа “Некуда” становится очевидным то, что целью Лескова было не унижить или возвысить “новых людей” и нигилистов, а всесторонне исследовать их общественное движение в национально-историческом контексте, проанализировать его идейные истоки, а также связи и расхождения его с “живой русской жизнью”, и запечатлеть всю внутреннюю сложность и неоднородность данного феномена в российском контексте [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 696].

Рассмотрим некоторые образы радикально настроенных молодых людей в романе Лескова. Основатель нигилистической коммуны в “Некуда” Белоярцев, несомненно, является писательской интерпретацией личности Слепцова, автора множества очерков и романа “Трудное время” (1865), активного борца за права женщин и равноправие в обществе и основателя Знаменской коммуны в Петербурге. Созданная по образцу швейных артелей в романе Чернышевского “Что делать?”, такая коммуна была небывалой для России того времени формой общежития, основанной на социалистических началах, за жильцами которой, разумеется, пристально следило Третье отделение [Thorstenson 2013: 291–292]. В романе “Некуда” подобная Знаменской коммуна обрисована под названием Дома согласия и подробно описывается во второй главе третьей книги. Герой Белоярцева, очевидно транслирующий взгляды Слепцова, считает, что его коммуна дает женщинам возможность избежать “семейную тюрьму”, и утверждает, что “этот один дом покажет ... что сильный и бессильный должны одинаково досыта наесться и вдоволь выспаться. ... здесь все равны, все понесут поровну, и никто судьбой не будет обижен” [Лесков 1997: 515].

О Доме согласия Лесков пишет, что тот “напоминал собою и покинутые барские хоромы, и острог, и складочный пакгауз, и богадельню”, целые этажи выглядели как “пустые казармы”, а некоторые комнаты были “не то кладовые, не то спальни”, и на “каждом кирпиче, на каждом куске штукатурки, на каждом вершке двора и сада здесь лежала печать враждебного запустения” [Лесков 1997: 505 и 507]. Таким описанием Лесков хочет показать резкое несоответствие идеалистического замысла Белоярцева с его житейскими реалиями, и тем самым раскрывает свое скептическое отношение к общинам как способу организации общества, а также нежизнеспособность неудачно претворенных в практику теорий Слепцова.

Жильцы Дома согласия показаны погрязшими в бесконечных пустых спорах на тему мелких пунктов своего устава, “беспрестанно обсуживавшимся, реформировавшимся и никогда ни на одну неделю не устанавливавшимся *in statu quo*” [Лесков 1997: 542]. В то же время якобы “свободная” жизнь женщин вне семьи оказывалась не лучше “семейной тюрьмы”. По прошествии двух месяцев совместной жизни, женщины коммуны “уже ясно начинали чувствовать, что равноправия и равносилья в их ассоциации не существует, что вся сила и воля сосредоточивались в Белоярцеве” [Лесков 1997: 542]. В Доме согласия велось много разговоров о труде и равномерном разделении заработка, но “самого труда производилось весьма мало”, а заработков ни у кого, кроме нескольких членов общины, не было [Лесков 1997: 543]. Такой уклад, вместо обещанного Белоярцевым “ограждения работающего пролетариата от произвола, обид и насилий тучнеющего капитала”, позволял одним членам коммуны жить за счет других [Лесков 1997: 523].

Видуэцкая и Недзвецкий справедливо замечают, что в Доме согласия не случайно не задерживается прислуга, то есть представители простого народа [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 699]. Лесков дает крайне язвительную характеристику псевдосоциалистическому настроению “граждан Дома” и пишет, что они “старались ни в чем не походить на обыкновенных смертных, а стремились стать выше их”, тем самым предавая социалистические идеалы [Лесков 1997: 542]. По оценке автора, как бы не стремились эти “новые люди” быть для простого народа “нравственным образцом и выкройкою для повсеместного распространения в России нового социального устройства”, их наскоро сфабрикованный бытовой уклад противоречил основам, нормам и реалиям жизни в России [Лесков 1997: 542].

С легко читаемым непониманием и даже неприязнью Лесков относится и к идеологии “новых людей” на счет семьи, брака и отношений полов. В этом отношении

взгляды нигилистов из “Некуда” во многом схожи с базаровскими. Петербургский “социалист” Красин, например, озвучивает свою программу действий следующим образом: “опровергать лжеучения идеалистов и экономистов, стремиться к уничтожению семейственного и общественного деспотизма, изменять понятия о нравственности и человеческом праве” [Лесков 1997: 434–435]. Он видит первым своим делом “разделить поровну хлеб по желудкам” и даже заявляет о том, что хочет создать приют для угнетенных, помочь “общими силами частному горю” и защитить личность от семьи и общества [Лесков 1997: 435]. Но позже в споре с доктором Розановым выясняется, что на практике такие высокие социалистические намерения превращаются в отрицание нравственности, любви и института семьи.

Красин заявляет, что нравственные обязательства идут против физиологии и противоречат требованиям природы. Идет упор на “естественность” и “разумные начала”; Красин утверждает, что “у существ, живущих естественной жизнью” нравственных обязательств быть не должно, а половые отношения называет “функцией” [Лесков 1997: 437–438]. Другой персонаж, Бычков, ратует за “свободу отношений” и свободу женщин от моногамных отношений и брака, очевидно видя в этом личную выгоду, и заявляет: “Мы брак долой” [Лесков 1997: 291–292].

Разговоры о семейных ценностях и отношениях между родителями и детьми также сводятся к аргументам о естественности и законах природы. Бычков предлагает общественное воспитание детей, ведь “родительская любовь предрассудок и только”, а “отца и матери, в известном смысле слова, ведь нет же в естественной жизни”, и “животные, вырастая, не соображают своих родословных” [Лесков 1997: 292]. Похожую, но еще более радикальную позицию озвучивает позже и Белоярцев, приравнивая родительские нежности к сладострастию, и говоря, что мать, целуя своего ребенка, “только удовлетворяет в известной мере своим чувственным стремлениям”; с Белоярцевым активно соглашается “стриженная девица” и материалистка Бертольди [Лесков 1997: 513–514].

Авторскую позицию Лескова можно легко прочесть в словах доктора Розанова о том, что разнузданность требований организма является следствием разнузданности воли и фантазии. Также Розанов твердо уверен в том, что истинная женщина не сможет полюбить человека только чувственно [Лесков 1997: 438]. В целом, всем действием своего романа и в частности распадом Дома согласия в конце произведения, Лесков указывает на то, что такая “разумная” семья, держащаяся не на родстве, а на единстве интересов и стремлений, противопоставленная “новыми людьми” “вредной” родовой семье, не является плодотворным и практически выполнимым решением. Помимо

Розанова, Лесков наделяет трезвостью взгляда Абрамовну, старую няню Лизы, которая говорит о Доме согласия, что так жить “срам”, так живут “распутные люди” [Лесков 1997: 532]. Слова Абрамовны резонируют со словами настоятельницы монастыря Агнии Николаевны, тети Лизы, сказанными ею в первой книге романа. Для Агнии именно здоровая семья является надежной основой общества и источником нравственности. Но взгляд Агнии на ситуацию пессимистичен, она замечает: “У нас что ни семья, то ад, дрянь”. По ее мнению, в современных семьях воспитывают несравненно хуже, чем в институтах, и “семью нужно переделать” [Лесков 1997: 22].

Как справедливо замечает Столярова, роман Лескова можно отметить за умение автора донести до читателя антигуманистическую сущность такого расчетливого и “разумного” подхода к жизни “новых людей”. Лесков смог тонко продемонстрировать опасность экстремистских тенденций среди прогрессивной молодежи, неспособность передовой интеллигенции 60-х годов XIX века превратить свои фантазии в жизнь, а также то, как легко идеалистические стремления прогрессивной общины могут быть испошлены и низведены к мещанству и присущим ему менталитету и склокам [Столярова 1978: 69–75].

Важно отметить, что “плохих” нигилистов в “Некуда” Лесков изображает как крайне разнородную массу. Среди них и откровенно криминальные элементы (Соловейчик), и кровожадные “революционеры”, готовые, впрочем, действовать только на словах (Арапов и Бычков), и конспираторы, использующие прогрессивную молодежь в своих политических целях (Рациборский), и кающиеся дворяне, тешащие себя тем, что делают благое дело (Белоярцев), и карикатурно категоричные заблудшие души (Бертольди). В то же время в романе есть место и положительным “новым людям”, которых Лесков противопоставляет “шалым шавкам, окричавшим себя нигилистами” [Аннинский 1986: 20]. В первую очередь это Лиза Бахарева и Василий Райнер.

По сравнению с кровожадными “революционерами” Араповым и Бычковым (в то время как первый предлагает “залить Москву кровью и заревом пожара”, второй видит выход в том, чтобы “залить кровью Россию” [Лесков 1997: 248 и 287]), Райнер изображен чутким (от высказываний Бычкова о семье у Райнера набегают на глаза слезы), крайне честным, смелым, самоотверженным и ревностно следующим своим революционно-социалистическим убеждениям. Его мать привила ему почтение “к Богу, к обществу, к семье и к женщине”, поэтому он не разделяет физиологической и “разумной” трактовки любви и аргументов о естественности и функциях, заложенных в человеческой природе [Лесков 1997: 266–267]. Райнеру явно не по пути с “плохими” нигилистами романа, и

вскоре он разрывает отношения с Белоярцевым и его кружком. В глазах Райнера они оскверняют революционно-социалистическое учение, которому он глубоко предан.

Тем не менее, как замечают Видуэцкая и Недзвецкий, подобно Базарову, иностранец Райнер оказывается ненужным в контексте современных российских реалий [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 704]. Райнер неспособен познать и понять Россию и ее народно-национальное своеобразие. Как личность, Райнер сформировался в эпоху западноевропейских национально-освободительных и буржуазно-демократических революций середины XIX века, опыт которых не перекладывается как под копирку на нынешнее общественно-политическое состояние России. Он некритически воспринимает уверенность русской эмиграции в назревшей революции в России: его ошибка в том, что он видит Россию “через призму иноземного ума, опыта и социальных идеалов” [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 704].

Россия же оказывается не готова к радикальным переменам, которых жаждет Райнер. Итак, несмотря на готовность “положить голову” за революцию в России, Райнер становится всего лишь бесплодной жертвой в социалистическом деле [Лесков 1997: 275]. У Аннинского, Райнер “осиянный и безукоризненный; но вот эта чистая, романтическая европейская революционность нисходит в родимое болото; и сразу сияние гаснет, захлебывается в гниющей вони” [Аннинский 1986: 66].

Как и в других вопросах, авторская позиция Лескова на предмет общественно-политической ситуации в России читается в убеждениях доктора Розанова. По роду деятельности Розанов знаком с настроениями “народа и провинциального общества” и решительно говорит, что “никаких элементов для революции нет”, и что революция “невозможна в России”, так как “народ не захочет ее” [Лесков 1997: 305 и 288–289]. Тем не менее, близкое прочтения “Некуда” не дает причислить Лескова к охранителям, ведь период, в котором развивается действие романа, писатель открыто называет “эпохой возрождения”, “порой пробуждения” и одной из великих, поэтических эпох в истории России [Лесков 1997: 131–132].

О людях, оказавшихся движущей силой этой эпохи, Лесков пишет, что двигало ими, несомненно, чувство добра и справедливости, и что эти “новые люди” этой эпохи “во всем рвались к новому режиму, ибо не видали возможности идти к добру с лестью, ложью, ленью и всякою мерзостью” [Лесков 1997: 132]. По мнению Видуэцкой и Недзвецкого, именно это отвращение к лести, лжи, лени и мерзости, а также к социальной, государственной и семейной несправедливости, и неприятие окостеневшей морали сподвигло “чистые русские души” (Розанов, Лиза, друг Райнера Юстин Помада) к поискам иной жизни и социально значимого дела и привлекало их к идеям “новых

людей” о формах коллективного труда и быта [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 700–701]. Как пишут критики, в ином случае и Лизе, и Розанову “деться некуда” [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 701].

Лиза Бахарева — один из наиболее симпатизирующих читателю персонажей в романе Лескова. Она сильная, страстная и решительная девушка, но в то же время ранима и чувствительна. Против воли родителей Лиза присоединяется к нигилистическому движению, которому отдается всем сердцем и душой. Принятие идей эмансипации женщин и нигилизма — естественный результат ее собственных убеждений, сформированных под влиянием чтения и критического мышления. Неудивительно, что Лиза влюблена в человека дела Райнера. Лиза Бахарева — одна из наиболее ярких и значимых женских персонажей-нигилисток в русской литературе [Thorstensson 2013: 450].

Некоторые исследователи считают, что образ Лизы Бахаревой у Лескова можно охарактеризовать как жертву нигилизма [Thorstensson 2013: 454]. Перекликаясь с этой точкой зрения, Кашкарева относит эту героиню к женщинам “нового” типа в типологии женских образов у Лескова, наряду с Агатой Мечниковой из “Некуда”. Автор считает, что этот тип позволяет писателю показать, что женщина, живущая вне семьи и дома, то есть в хаосе, обречена на одиночество и бездетность и утрачивает родоохранительную функцию, что в итоге неминуемо приводит к безысходности, обреченности или даже гибели [Кашкарева 2016: 149–150]. Тем не менее более подробный анализ героини указывает на то, что Лесков не винит героиню за ее отрицание традиционной женской роли и бунта против семьи. Лесков делает акцент на рутинность, праздность и атмосферу застоя, царящие в семье Бахаревых, и “новая женщина” Лиза Бахарева не согласна мириться с этим.

Похожее прочтение персонажа предлагал даже ярый противник творчества Лескова Писарев. Автор писал: “Кто оказывается самым чистым и светлым характером ... в ‘Некуда?’ — Лиза Бахарева” [Писарев 2005: 385]. Критик и типичный “шестидесятник” Николай Шелгунов в своей статье “Люди сороковых и шестидесятых годов”, написанной после того, как полемика вокруг романа Лескова поутихла, ставил Лизу Бахареву наряду с Базаровым, хвалил героиню и писал, что Лесков, “желая унижить этот тип, не унижил его и *один* написал ‘новую женщину’ лучше друзей этого направления” [Лесков 1997: 688].

И Лиза, и Райнер, трагически умирают в романе Лескова. Достаточно конкретное объяснение такого художественного выбора можно найти в самом произведении. Искренние и чистые, или по выражению самого Лескова “настоящие”, нигилисты “более

честны, чем политически опытни”, и на несчастье этих людей, у них не было силы отречься от “приставших к [ним] по страсти моды шутов и дураков” [Лесков 1997: 132]. В видении Лескова, “шуты насмешили людей, дураки их рассердили”, что спровоцировало ренегатство: это и помешало, по мнению Лескова, по-настоящему преобразовать общественно-политическую ситуацию в России [Лесков 1997: 132]. Далее Лесков поясняет, что единственное, в чем настоящие нигилисты виноваты, это недостаток самообличения и неспособность отречься от приставших к ним дураков и шутов, и именно “за пренебрежение этой силой” они и были “горько наказаны” [Лесков 1997: 133]. Тем не менее, Лесков пишет, что нет никакого основания видеть в истинных “новых людях” виновников существующей ситуации [Лесков 1997: 133].

По мнению Видуэцкой и Недзвецкого, такой подход к разрешению сюжета в романе далеко не делает Лескова бесстрастным наблюдателем. Действия как “отцов”, так и “детей” в романе получают вполне очевидную для читателя авторскую оценку. Тем не менее критики считают, что исходы центральных героев романа “Некуда” — в особенности Лизы и Райнера, но и доктора Розанова — нужно рассматривать не как “приговоры” самого повествователя, а как итог испытания жизнью, которое не могло не предопределить их судьбы [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 696]. В оценке представителей разных слоев общества, идейных течений, семейных и общественных укладов, Лесков прежде всего руководствовался этическими и нравственными ценностями, нормами и идеалами, исходящими из русского народного бытия: это прежде всего христианские ценности, которые для автора заключаются в духовности, любви и нравственном долге [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 696].

Итак, идеология и жизненный уклад “новых людей” в романе Лескова ведут в никуда и в конечном счете терпят провал по причине того, что являются оторваны от русской жизни и не проверены национально-народными ценностями. Но позицию автора по отношению к будущему России нельзя охарактеризовать как пессимистичную. Чуть более лучше понять эту позицию и авторские решения, сделанные в процессе художественного осмысления образов героев романа “Некуда”, помогает его отзыв на роман Чернышевского “Что делать?”:

“Новые люди” г. Чернышевского, которых, по моему мнению, лучше бы назвать “хорошие люди”, не несут ни огня, ни меча. Они несут собою образчик внутренней независимости и настоящей гармонии взаимных отношений. Они могут провалиться? Да, очень могут, но другие могут обойти провал, пойдут,

узнают, чего должно избегать и чего бояться. Тут нет беды, ибо все это вперед, вперед толкает [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 701].

Итак, Лесков предлагает более разнообразную палитру нигилистов в “Некуда”, чем представлена в тургеневских “Отцах и детях” [Thorstensson 2013: 301–303]. Нигилисты у Лескова и честные, и самоотверженные, и запутавшиеся, и использующие идею отрицания для оправдания собственных низких качеств. Показывая целый спектр “дураков и шутов”, дискредитирующих идеи и намерения честных представителей революционно-демократического движения, Лесков развивал мотив, который уже прослеживался в образах Ситникова и Кукшиной в романе Тургенева. Позже, Лесков продолжит начатое в своем романе “На ножах”, и особенно в образе Павла Горданова. Лесков не имеет цели заклеить все нигилистическое движение, однако осуждает насилие ради насилия, вседозволенность, оправдание идеями нигилизма шаткой морали, преступности и корыстолюбия. Именно такая попытка со стороны писателя критически рассмотреть тупиковые ветви прогресса была рассмотрена современниками как критика и высмеивание движений передовой молодежи 60-х годов XIX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение романов “Отцы и дети” и “Некуда” и перспективы дальнейшего исследования

Романы Тургенева “Отцы и дети” и Лескова “Некуда”, написанные с разницей всего в три года, однозначно являются литературными произведениями, подарившими нам одни из наиболее ярких художественных изображений явления нигилизма в жизни России пятидесятых–шестидесятых годов XIX века. Критики творчества Лескова ставят роман “Некуда” в один ряд с романом Тургенева, который, несомненно, тематически и проблемно близок к нему [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 696]. Учитывая то, что Лесков в своем произведении, по существу, продолжает затронутую Тургеневым тему, рассматривать произведение Лескова в независимости от “Отцов и детей” было бы ошибкой.

В романе “Некуда” Лесков определенно продолжает один из главных мотивов романа Тургенева, а именно изображение и художественное осмысление последователей нигилистического движения. Если у Тургенева такие представители “передовой” молодежи, как Ситников и Кукшина, опошляющие прогрессивные идеи и намерения честных представителей нигилистического движения, изображены карикатурно и весьма поверхностно, то у Лескова мы наблюдаем целый спектр и достаточно разнородную массу “шалых шавок, окричавших себя нигилистами” [Аннинский 1986: 20], дискредитирующих своими взглядами и действиями революционно-демократическое движение и использующих идею отрицания для оправдания собственных низких качеств.

В то же время стоит заметить, что “настоящие” нигилисты в романе Лескова изображены более однозначно, чем у Тургенева. У Тургенева средоточием нигилистических воззрений к концу романа остается только лишь Базаров, да и тот представлен поглощенным внутренним конфликтом из-за неразделенной любви. У Лескова “настоящие” нигилисты и истинные “новые люди” — Лиза Бахарева, Райнер, Помада — честные, самоотверженные, непреклонные, и остаются верными своим убеждениями до самой смерти. Тем не менее, показательно, что и Базаров у Тургенева, и Лиза Бахарева и Райнер у Лескова умирают в конце произведений. Как и многие реальные представители передовой молодежи того времени — Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Слепцов — они умирают преждевременно, уходят в никуда.

Как уже было упомянуто во второй и третьей главах, и Лесков, и Тургенев не верили в преобразование российского общества путем отвлеченных идей, построенных на заимствованных понятиях, оторванных от жизни народа и игнорирующих многообразие и специфику реальной русской жизни. Возможно, именно поэтому “настоящие” нигилисты и истинные “новые люди” в романах писателей, столкнувшись с собственной беспомощностью и бесперспективностью своих мировоззрений и не зная, как разрешить это противоречие, оказываются ненужными современной России и вынуждены уйти раньше своего времени.

Как отмечают Видуэцкая и Недзвецкий, одного из центральных персонажей романа “Некуда” доктора Розанова можно рассматривать как художественную “доработку” тургеневского Базарова Лесковым — даже фамилии персонажей созвучны друг другу [Видуэцкая, Недзвецкий 1997: 707]. Сам Лесков считал Базарова “здоровым типом” нигилиста, и писал о персонаже следующее:

Мне лично он нравится, но я бы позволил себе пожелать ему быть несколько мягче, не мусолить собою без нужды непривычного глаза, не раздражать без дела чужой барабанной перепонки и даже, пожалуй, не замыкать сердца для чувств самых нежных, ибо они не мешают героизму [Лесков 2014: 218].

В какой-то мере эти пожелания Лесков и воплотил в образе доктора Розанова. В то время как Базаров не способен примирить в себе материалистические воззрения и романтические чувства, вера в естественнонаучный метод не мешает Розанову признавать ценность духовности, красоты и поэтических и романтических переживаний. В разговоре с Лизой Бахаревой, Розанов рассуждает о том, что материализм не стоит рассматривать как “могил[у] всем радостям земным”, а тем более “радостям чистым, возвышающим и укрепляющим душу”, и далее даже называет психиатрию поэтической наукой [Лесков 1997: 188].

В уста доктора Розанова Лесков, несомненно, вкладывает свои собственные размышления и убеждения на счет современного революционно-демократического движения и будущего России. На вопрос Лизы, способна ли “нынешняя теория” гарантировать счастье, Розанов отвечает, “что все эти теории или вытягивают чувства, или обрубают разум, а я верю, что человечество не будет счастливо, пока не открыто будет средство жить по чистому разуму, не подавляя присущего нашей натуре чувства” [Лесков 1997: 178 и 180]. Таким образом, Розанов показан ярким противником

главенствования любых теорий и идей над реальной жизнью, и в этом персонаже явно прослеживается авторская позиция самого Лескова.

В связи с этим, стоит обратить особое внимание на различия в художественном осмыслении нигилизма как общественного явления в произведениях Тургенева и Лескова. В произведении Тургенева нигилизм уже переходит из витающей в воздухе идеи к популярному среди молодежи умонастроению и даже образу жизни. У Лескова же нигилизм уже изживает себя и превращается в губительное для общества явление. В то время как Тургенев рисует образы Ситникова и Кукшиной как безвредные карикатуры, в “Некуда” на смену честным, еще не утратившим нравственности и порядочности нигилистам уже приходят дерзкие и невежественные люди, практикующие отрицание ради отрицания, либо ради того, чтобы замаскировать убожество своей жизни, а то и криминальные наклонности. Им, по сути, безразлично будущее России, и в погоне за переменами, они отвлекаются на преследование своих эгоистических целей.

Происхождение персонажей-нигилистов в обоих романах также обличает некоторое расхождение авторских позиций в отношении нигилистического движения. Базаров у Тургенева — коренной русский, принадлежащий к разночинному сословию. Его отец — лекарь, дед — “землю пахал” [Тургенев 2012: 47]. Лесков же изображает “настоящих” нигилистов в своем романе чужими русскому народу. Например, Райнер, которого другие персонажи романа не один раз называют “чужой человек”, хоть и имеет русские корни, по сути своей далек от русского народа, и воспринимает Россию через призму иноземного опыта. Показательно то, что позже и Райнер, и другой “честный” нигилист в романе Лескова, Помада, примыкают к польскому революционному движению, в результате чего и погибают. Они готовы самоотверженно бороться за революционные идеалы, но делают это без любви и понимания русского народного бытия.

Лесков считает, что нигилистические идеи импортированы в Россию, которая еще не готова к революции, и поэтому идеи эти неспособны прижиться на русской почве и стать плодотворными для будущего страны. Попытки применить эти идеи на практике выливается в их окаркиатуривание и профанацию. Эти измышления ярко выражены Лесковым в его описании встречи Розанова и генерала Стрепетова в пятнадцатой главе второй книги романа. В уста Стрепетова Лесков вкладывает фразу: “Р-е-в-о-л-ю-ц-и-я! ... Это какое слово? Слышится будто что-то как нерусское, а?” [Лесков 1997: 379].

В свою очередь, Базаров, хоть и является русским разночинцем по происхождению, тоже оказывается слишком далек от жизни простого русского народа,

чтобы теоретические воззрения, которым он следует, можно было удачно применить на практике. Как уже упоминалось выше, Тургенев не разделял всех убеждений революционных демократов, что в итоге и привело к разрыву писателя с Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым и кругом журнала “Современник”. Тургенев твердо верил, что жизнь русского народа необходимо преобразовывать мирным путем. Писатель считал, что демократы-интеллигенты того времени, черты которых и воплотил в себе герой Базарова, были слишком оторваны от простого народа и не смогли бы вдохновить народную революцию, и, по сути дела, оказался прав.

Итак, путем анализа и сравнения персонажей-нигилистов в романах И. С. Тургенева “Отцы и дети” и Н. С. Лескова “Некуда”, данная работа пролила свет и на личные позиции писателей по отношению к нигилизму как общественному явлению, и на суждения о явлении нигилизма и будущем России среди русской интеллигенции того времени в целом. Но необходимо принять во внимание, что романы “Отцы и дети” и “Некуда” являются лишь “верхушкой айсберга” литературного нигилизма. Большинство романов, написанных во второй половине XIX века, дискутировали на тему нигилизма и обсуждали жизнеспособность и потенциал и самого учения в контексте реалий русского общества, и нового “героя нашего времени” — “нового человека”, или нигилиста.

В данной работе исследуется зарождение и развитие литературных образов нигилистов, анализируется связь между различными произведениями русской литературы XIX века и прослеживается влияние литературных и общественных деятелей XIX века друг на друга. Данная работа демонстрирует, насколько многоголосой и противоречивой была дискуссия о нигилизме в русской культуре. Разговоры о нигилизме велись не только на страницах романов и серьезных статей в журналах и газетах, но в повседневной жизни. Эти разговоры находили отражение в поведении, моде, языке, а также в личных взаимодействиях и политических процессах. Споры о нигилизме, очевидно, оказываются более сложными и многогранными, чем предполагалось раньше в литературоведении, и в данной работе была произведена попытка коснуться изучения того исторического и социального процесса, в результате которого возникли полемические романы о нигилизме второй половины XIX века.

Для развития этой темы в будущем необходимо охватить более широкий литературный контекст. Исследование этой темы однозначно следует дополнить обсуждением всего диапазона научных и художественных литературных произведений, созданных в 1860–1870-х годах, авторы которых принадлежали ко всему широкому спектру идеологических точек зрения, существовавших в России в тот период времени. Также особое внимание следует обратить на забытые литературные произведения, как и

второстепенных, так и крупных писателей той эпохи. Следует надеяться, что включение этих произведений в научное обсуждение русской литературы вдохнет новую жизнь в некоторые из них (как это уже происходит с романами Лескова). Это несомненно расширит наше понимание значимости полемического романа этого периода в русской литературе, а также поможет обнаружить новые перспективные области для дальнейших исследований.

Список использованной литературы

Источники:

- Белинский, В. Г. *Полное собрание сочинений в 13 томах*, Т. 11. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1956. 556 с.
- Герцен, А. И. *Собрание сочинений в 30 томах*, Т. 18. Москва: АН СССР Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1959. 751 с.
- Герцен, А. И. Роберт Оуэн. *Собрание сочинений в 30 томах*, Т. 11. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1957. С. 205–253.
- Кропоткин, П. А. *Записки революционера*. Москва: Московский рабочий, 1988. 544 с.
- Кропоткин, П. А. *Идеалы и действительность в русской литературе*. Москва: Директ-Медиа, 2014. 311 с.
- Лесков, Н.С. Некуда. *Полное собрание сочинений в 30 томах*, Т. 4. Москва: Терра, 1997. С. 9–676
- Лесков, Н.С. *Статьи*. Москва: Директ-Медиа, 2014. 1127 с.
- Писарев, Д. И. *Сочинения в четырех томах*, Т. 2. Москва: ГИХЛ, 1955. 434 с.
- Писарев, Д. И. Наши усыпители. *Полное собрание сочинений и писем в 12 томах*, Т. 9. Москва: Наука, 2005. С. 374–390
- Тургенев, И. С. *Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения в 15 томах*, Т. 12. Москва, Ленинград: Наука, 1966. 581 с.
- Тургенев, И. С. *Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения в 15 томах*, Т. 16. Москва, Ленинград: Наука, 1967. 567 с.
- Тургенев, И. С. По поводу Отцов и детей. *Отцы и дети*. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 189–199
- Тургенев, И. С. *Отцы и дети*. Москва: Рипол классик, 2012. 286 с.
- Чернышевский, Н. Г. Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым. *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х томах*, Т. 1. Москва: Художественная литература, 1983. С. 321–340

Научная и критическая литература:

- Андреева, В. Г. Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н. С. Лескова и В. Г. Авсеенко. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 2014, № 5, С. 131–134
- Аннинский, Л. А. *Лесковское ожерелье*. Москва: Книга, 1986. 304 с.
- Бельчиков, Н. Ф. III Отделение и роман “Отцы и дети”. *Документы по истории литературы и общественности: И. С. Тургенев*. Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923. С. 165–166

- Булгаков, С. Н. *Душевная драма Герцена*. Киев: С. И. Иванова и Ко, 1904. 43 с.
- Брумфилд, У. К. Базаров и Рязанов: Романтический архетип в русской литературе. *Знание. Понимание. Умение*, 2015, № 3, С. 286–298
- Видуэцкая, И. П., Недзвецкий, В. А. Примечания. В кн.: Лесков, Н. С. *Полное собрание сочинений в 30 томах*, Т. 4. Москва: Терра, 1997. С. 693–713
- Виртшафтер, Э. К. *Социальные структуры: разночинцы в Российской империи*. Москва: Логос, 2002. 272 с.
- Горелов, А. Книга сына об отце. В кн.: Лесков, А. Н. *Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х томах*, Т. 1. Москва: Художественная литература, 1984. С. 5–31
- Гуляихин, В. Н. *Правовой нигилизм в России*. Волгоград: Перемена, 2005. 280 с.
- Другов, Б. М. *Н. С. Лесков. Очерк творчества*. Москва: ГИХЛ, 1961. 223 с.
- Косыхин, В. Г. *Нигилизм и диалектика*. Саратов: Научная книга, 2009. 256 с.
- Ицкович, М. А. Субкультура русского нигилизма 1860-х годов и её социальная направленность. *Известия Самарского научного центра РАН*, 2009, №6 (32), С. 61–65
- Кантор, В. К. *В поисках личности: опыт русской классики*. Москва: Московский Философский фонд, 1994. 241 с.
- Кашкарева, А. П. Типология женских образов в романе Н. С. Лескова “Некуда”. *Известия Уральского федерального университета*, 2016, № 2 (151), С. 146–154
- Коньшев, Е. М. Проблема нигилизма в романе “Отцы и дети”. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2009, № 3, С. 134–139
- Коньшев, Е. М., Дорофеева, Е. О. Художественное постижение нигилизма в произведениях Тургенева, Достоевского и Лескова. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2014, №4, С. 164–167
- Лесков, А. Н. *Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х томах*, Т. 1. Москва: Художественная литература, 1984. 479 с.
- Недзвецкий, В. А. *История русского романа XIX века: неклассические формы. Курс лекций*. Москва: Московский университет, 2011. 152 с.
- Нечкина, М. В. *Декабристы*. Москва: Наука, 1984. 181 с.
- Новиков, А. И. *Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики*. Ленинград: Лениздат, 1972. 296 с.
- Петров, С. М. Иван Сергеевич Тургенев в воспоминаниях современников. *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников в двух томах*, Т. 1. Москва: Художественная литература, 1983. С. 5–29
- Путинцев, В. А. Великий русский критик – революционер и демократ. В кн.: Н. А. Добролюбов. *Избранное*. Москва: Детгиз, 1954. С. 5–24

Розенблат, Г. Г. *Роман И. С. Тургенева “Отцы и дети”*. Ленинград: Общество по распространению научных знаний, 1960. 50 с.

Столярова, И. В. Повесть “Овцебык”. Роман “Некуда”. *В поисках идеала*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978. С. 45–77

Тотубалина Н. И. “Некуда”. Примечания. В кн.: Лесков, Н. С. *Собрание сочинений в 11 томах*, Т. 2. Москва: ГИХЛ, 1956. С. 711–755

Троицкий, Н. А. *Россия в XIX веке. Курс лекций*. Москва: Высшая школа, 2003. 431 с.

Троицкий, А. К. Реалисты: разночинцы и нигилисты, 1861–1870. *Субкультура. История сопротивления российской молодежи, 1815–2018*. Москва: Белое яблоко, 2019. С. 47–59

Ушакова, О. М. Русский нигилист как герой английской литературы. *Вестник Пермского университета*, 2016, № 1, С. 106–117

Фесенко, Э. Я. “Литературный нигилизм” как явление русской общественной жизни XIX века. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*, 2009, №4, С. 90–97

Хайдеггер, М. *Ницше*, Т. 2. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2007. 229 с.

Шоломова, Т. В. Эстетизация нигилизма в русской литературе XIX века: к вопросу о пространственных и временных границах явления. *Общество. Среда. Развитие*, 2015, № 3, С. 127–131

Научная и критическая литература на иностранных языках:

Confino, M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia, *Daedalus* 101 (2), 1972. pp. 117–49

Thorstenson, V. *The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s-1870s*: PhD dissertation. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2013. 501 p.

Справочная литература:

Белова, Л. Н., et al. *Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник*. Москва: Научное издательство “Большая Российская Энциклопедия”, 1992. 687 с.

Электронные источники:

Герцен, А. И. Еще раз Базаров. *Герцен Александр Иванович*. 2021. Pieejams: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/esche-raz-bazarov.htm> [aplūkots 14.05.2021]

Добролюбов, Н. А. Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни. *Библиотека Максима Мошкова*. 2011. Pieejams: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_1490.shtml [aplūkots 14.05.2021]

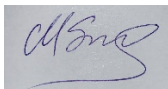
Нигилизм (из отчета III отделения). *Понятия и категории. Вспомогательный проект портала ХРОНОС*. 2006. Рееjамs: <http://ponjatija.ru/node/50> [aplūkots 14.05.202

DOKUMENTĀRA LAPA

Bakalaura darbs „Nihilisti I.S. Turgeņeva un N.S. Ļeskova romānos (‘‘Tēvi un dēli’’ un ‘‘Nekur’’).’’ izstrādāts LU Humanitāro zinātņu fakultātē.

Ar savu parakstu apliecinu, ka pētījums veikts patstāvīgi, izmantoti tikai tajā norādītie informācijas avoti un iesniegtā darba elektroniskā kopija atbilst izdrukai.

Autors: Milana Siļmanoviča

27.05.2021.

Rekomendēju darbu aizstāvēšanai

Vadītājs: asoc.prof. Dr. philol. Jurijs Sidjakovs

Recenzents: dokt. A. Daņiļins

Darbs iesniegts Rusistikas un slāvistikas nodaļā 27.05.2021.

Studiju metodiķe: Jeļena Sevastjanova

Darbs aizstāvēts bakalaura gala pārbaudījuma komisijas sēdē

____.06.2021. prot. Nr. ____, vērtējums ____ (_____)

Komisijas sekretāre: docente Jeļena Marčenko